

УДК 94 (470+571) «18» : 329.14 (=411.16)

Александр БЕЗАРОВ

Черновицкий торгово-экономический институт Киевского национального торгово-экономического университета, Черновцы (Украина), bezarov@mail.ru

Alexander BEZAROV

Chernivtsi Trade and Economics Institute of Kyiv National Trade and Economics University

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМА
ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКО-
ЕВРЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

**SOCIAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF
RUSSIAN SOCIO-DEMOCRATIC MOVEMENT
AND THE PROBLEM OF IDENTITY OF
RUSSIAN-JEWISH INTELLIGENTSIA IN THE
RUSSIAN EMPIRE**

Ключові слова: *соціал-демократія, революційність, євреї, інтелігенція, Російська імперія.*

Безаров Александр. Соціокультурні особливості російського соціал-демократичного руху і проблема ідентичності російсько-єврейської інтелігенції в Російській імперії.

В статті проаналізовано соціокультурні особливості російського соціал-демократичного руху на прикладі кризи ідентичності російсько-єврейської інтелігенції в Російській імперії. Зокрема, висунуто гіпотезу про те, що соціал-демократична ідеологія революційної боротьби могла бути новим смисловим центром політичної ідентичності російсько-єврейської інтелігенції, яка виявилася здатною пожертвувати своїм національним минулим заради соціального майбутнього.

Актуальность. В конце XIX в. в социокультурном пространстве Российской империи происходили противоречивые по своему характеру процессы, которые современные исследователи в широком понимании определяют как «сложное взаимодействие традиционного патриархального мира и большого общества»¹. На острие таких процессов оказались российские политические группы левого и леворадикального направлений. Начинался сложный переход от традиционализма к либерализму, который, тем не менее, «застрял в патологических формах “застрявшей цивилизации” со свойственной ей неспособностью выйти из ловушки переходного положения»². Российская интеллигенция, которая неожиданно для себя оказалась в «буферной» зоне между массой и элитой, превратилась в маргинальную социальную группу с характерным для неё сознанием дуальной оппозиционности. На одном полюсе такого сознания можно было видеть ценностные ориентации традиционного общества (комплекс крепостного), а на противоположном – носителя ценностей большого города. Проблема заключалась в том, что в своём стремлении приобщиться к городской цивилизации российский интеллигент не хотел (вероятно, и не мог) отказаться от «логики

мышления и общественного производства, которую он вынес из своего общинно-крепостнического прошлого»³. Следовательно, социальная революция для маргинальной личности интеллигента должна была стать радикальной и всеобщей инверсией, которая превращала реальный мир зла в мир высоких идеалов. «Энергия молодых штурманов будущей российской бури» питалась идеалами революционного романтизма, вдохновлялась поэтикой революционной борьбы⁴.

Российская социал-демократия, как нам кажется, являлась порождением известных противоречий, ибо попыталась «европеизировать» русский социализм, придать ему обличье большого города. Однако, «общинные инстинкты русского народа оказались сильнее идеалов европейского пролетариата»⁵, что, на наш взгляд, представляет одну из главных социокультурных особенностей социал-демократического движения в Российской империи. В условиях постфеодального общества Российской империи, социал-демократическое движение вряд ли могло рассчитывать на очевидный политический успех без глубокого революционного преобразования социальной и политической системы. Очевидно, что большевизм и меньшевизм воплощали край-

ную полярность российской социал-демократии в силу разного понимания глубины таких преобразований. Если первый «вырос на хроническом крестьянском недоедании» и ненавидел сытую культуру большого города, то меньшевизм не оставлял надежды на примирение архаики традиционной культуры и ценностей городской цивилизации. Естественно, марксизм был для обеих фракций РСДРП общей революционной доктриной, которая выступала против буржуазности городской цивилизации, что было характерным и для западноевропейской интеллигенции, но большевики ненавидели Город ещё и потому, что не мыслили себя вне традиционной культуры.

Еврейский штетл в силу определённых причин оказался в эпицентре концентрации революционной энергии в имперском пространстве. Большинство российских евреев в конце XIX в. превратились в заложников политики ассимиляции, поскольку оказались зажатыми между современным национализмом города и малопонятным социализмом крестьянской общины. Во всё увеличивающемся политическом вакууме между просвещённой городской элитой и средневековым социумом образовалось социальное пространство «свободных радикалов» – маргинальных личностей, которые одинаково ненавидели своё прошлое и неопределённое будущее. Формирование в 1870-х гг., первого поколения революционно настроенной русско-еврейской интеллигенции делало это пространство ещё более взрывоопасным. Парадоксальным образом самодержавие, которое своей политикой выталкивало ассимилированную часть местечкового еврейства за пределы большого города, создавало благоприятную почву для усиления их революционной активности, а ведь российские евреи оказывались во многом более лояльными подданными империи, нежели, например, их польские соседи. Очевидно, что нежелание царизма искать приемлемый для евреев компромисс в еврейском вопросе было одной из причин радикализации настроений русско-еврейской интеллигенции.

Изложение основного материала. Поскольку еврейская и русская интеллигенция воспитывалась на одинаковых ценностях⁶, то неудивительно, что списки членов российских революционных организаций пестрили еврейскими именами, а участие «городской» интеллигенции России в социалистическом движении оказалось наиболее заметным в процессе перехода этого движения от «крестьянского» народничества к «городскому» марксизму⁷. Так, наибольшей популярностью социал-демократические организации пользовались в губерниях черты оседлости (около половины участников тут были евреями, а в Одессе, например, этот показатель составлял 75%). Противоположная картина наблюдалась в обеих российских столицах – не более 10 процентов⁸. По мнению современного российского историка В. Е. Кельнера, вначале своей истории

в руководстве большевиков было совсем немного евреев: из 11-ти членов ЦК в 1905-1907 гг. был всего один – И. П. Гольденберг⁹. Тем не менее, в последующее десятилетие количество российско-еврейских деятелей большевистского движения значительно выросло. Среди наиболее видных из них были: Ю. М. Нахамкес (Стеклов), Л. Б. Розенфельд (Каменев), М. М. Валлах (Литвинов), М. Р. Урицкий, Я. М. Свердлов, Ш. И. Голощёкин, А. А. Радомысльский (Зиновьев), Я. С. Фюрстенберг¹⁰, а также Д. Б. Гольдендах (Рязанов), который, по-видимому, занимает особенное место в этом списке¹¹. «Анализ политических и теоретических взглядов Рязанова, его деятельности – отмечает его современный биограф Я. Г. Рокитянский, – даёт многое для понимания особенностей российской социал-демократии, поскольку он был представителем её классического варианта»¹².

Давид Борисович Гольдендах родился 10 марта 1870 г. в зажиточной многодетной еврейской семье, в Одессе. Свои незаурядные интеллектуальные способности маленький Давид, очевидно, унаследовал от своей матери. Уже в десятилетнем возрасте он прочёл «Всемирную историю» Ф. К. Шлоссера, а в 14 лет он стал неверующим русским мальчиком, «еврейского происхождения»¹³. После исключения из Одесской гимназии из-за политической неблагонадёжности, будущий «красный академик» впервые оказался за границей. В 1889 г. в Париже он познакомился с видными марксистами, лидерами русской политической эмиграции¹⁴. Д. Б. Рязанов отличался глубокими теоретическими познаниями в истории, экономике, социологии, философии. Он в совершенстве владел немецким, французским, итальянским, английским языками, всегда проявлял самостоятельность суждений и чистоту моральных убеждений. «Самостоятельность идейной позиции, нежелание подстраиваться под взгляды лидеров, умение выявить теоретическую уязвимость их идей были присущи Рязанову и в дальнейшем. Это принесло ему немало неприятностей, прежде всего в рядах российской социал-демократии. Во всяком случае, – отмечает Я. Г. Рокитянский, – его отношения с самолюбивым Плехановым после их первой встречи были навсегда испорчены»¹⁵. Тем не менее, Д. Б. Рязанов, который уехал за границу как народоволец, а вернулся марксистом, очень скоро выдвинулся в число первых российских марксистов и на несколько лет опередил будущих лидеров российской социал-демократии, включая В. И. Ленина и Ю. О. Мартова¹⁶. В 1900 г. в Париже, он, вместе с Ю. М. Стекловым (Нахамкесом) и Э. Л. Смирновым (Гуревичем), создал социал-демократическую группу «Борьба», которая одна из первых организаций российской политической эмиграции поставила своей задачей «объединение всех социал-демократических сил, согласных встать на почву

революционного марксизма»¹⁷. Д. Б. Рязанов в начале XX в. был убеждённым западником, для которого социализм представлялся закономерным этапом на пути эволюции европейской демократии. Россия, которая, по его мнению, становилась всё более европейской, должна избавиться не только от политической деспотии, но и вырастить у себя новый социальный класс пролетариата, лишённого «общинных инстинктов русского народа», и, таким образом, подготовить почву не только для свержения ненавистного самодержавия, но и совершить молниеносный прорыв из царства варварского феодализма к вершинам европейского социально-демократического общества¹⁸. Однако революционный романтизм Д. Б. Рязанова закончился с прибытием в Европу «молодых энергичных революционеров-марксистов» во главе с тридцатилетним В. И. Лениным¹⁹, которому социал-демократия западного образца была не нужна. «Лишним» оказался и сам Д. Б. Рязанов, который ещё в 1904 г. предупреждал об угрозе партийного авторитаризма в руководстве РСДРП²⁰. Любопытно, что в разгроме группы Д. Б. Рязанова на II съезде РСДРП в Брюсселе и Лондоне в 1903 г. не последнюю роль сыграл Л. Д. Троцкий, за что и получил от Рязанова прозвище – «дубинка Ленина»²¹. В свою очередь, для самого Л. Д. Троцкого участие в знаменитом съезде РСДРП оказалось первым испытанием его лидерских амбиций на политической арене, которое он с треском проиграл В. И. Ленину²².

После раскола РСДРП, немало евреев оказалось и в меньшевистском его крыле, неизменным лидером которого был представитель известной фамилии столичного еврейства – Ю. О. Мартов (Цедербаум).

Очевидно, что меньшевики выступали против попыток узурпации власти в РСДРП и надеялись на установление парламентской республики, в которой гражданские права и свободы гарантируют рабочей партии легальную оппозицию буржуазному правительству. В отличие от В. И. Ленина, который понимал политическую свободу не более, как тормоз для революционных процессов, для Ю. О. Мартова, воспитанного в обрусевшей и либеральной среде столичного еврейства, идеалы европейской демократии, по видимому, были непреходящими ценностями. Тем не менее, «положение мальчика-еврея», «окружённого не просто антисемитской ненавистью, а именно стихийным презрением к “низшей расе”»²³, вытолкнуло двадцатилетнего потомственного интеллигента из сытой столичной жизни в объятия революционного Вильно. В противоположность многим представителям еврейской молодёжи, поклоняющейся К. Марксу, но никогда его не читавшей, Ю. О. Мартов был убеждённым марксистом. Уже с осени 1893 г., став активным функционером социал-демократического кружка в Вильно, он превратился, по меткому замечанию К. Б. Радека, в

настоящего «раввина марксизма», который стремился придать движению массовый характер за счёт организации забастовок рабочих на почве «законных требований», распространить опыт Виленской организации на всю страну, прежде всего на Петербург²⁴. Ещё раньше, в дни голодного для России 1891 года, Ю. О. Мартов выступил с идеей создания революционной партии для организации в столице государственного переворота²⁵. Неистребимая жажда свободы и обострённое чувство справедливости оказали мощное влияние на формирование революционных идей Ю. О. Мартова, заставили его отказаться от благополучного будущего, которое ему уготовила судьба. Поразительная глубина страдания к гонимому народу вообще, а еврейскому особенно, блестящий публицистический талант и столичная буржуазность воплотили в Ю. О. Мартове европейский тип политического лидера в России. «Бедность», – писал он в 1901 г., – проклятие современного человечества, вот кто породил социалистическое движение. Бедность, угнетающая мысль человека, в грязь и кровь, топчущая его лучшие чувства, тяжёлым бременем давящая его к земле – эта бедность породила те стремления и тот протест, которые разносят по лицу мира социалисты»²⁶. Но социализм для Ю. О. Мартова был не столько политическим идеалом, сколько средством преодоления собственного кризиса национальной идентичности на фоне распада традиционных ценностей местечкового еврейства.

Не случайным для Ю. О. Мартова был выбор Вильно – «нового Иерусалима» для еврейской бедноты с целью пропаганды его революционных идей. Национальное сознание евреев, по мнению лидера меньшевизма, должно уступить место классовому, которое является объективно высшей, прогрессивной формой общественного сознания. «Нет единого еврейского народа, внутри его имеется два народа, два враждебных класса, и борьба этих классов дошла до таких размеров, что её не может уже погасить ни уважение к синагоге и духовенству, ни грозная власть начальства», – отмечал Г. В. Плеханов²⁷. Однако Ю. О. Мартов отлично понимал, что политические союзники еврейского пролетариата (русский, литовский и польский пролетариат) в своей борьбе с самодержавием вряд ли будут поддерживать евреев в их требованиях гражданского равноправия. Следовательно, размышляя он, российская социал-демократия исходя из политических соображений, будет вынуждена пожертвовать национальными интересами евреев, например, свободой религии или равноправия²⁸. А это значит, что в процессе революционной борьбы еврейские рабочие будут вынуждены идти на некоторые политические уступки еврейской буржуазии²⁹. Впрочем, Ю. О. Мартов позднее признал теоретическую уязвимость последнего тезиса, но на практике, в тесном взаимодействии между капиталистами и рабочими, «мы,

все же найдём точку опоры, при помощи которой рычагом классовой самодеятельности пролетариата перевернем царистскую Россию»³⁰. Таким образом, становилось понятным, что в процессе становления российской социал-демократии избежать политических компромиссов в национальном вопросе не удастся. Национализм превращался в опасного идеологического соперника марксизму. Проблема Бунда, а, по сути, проблема еврейского национализма в рядах РСДРП, становилась всё более острой в меру углубления революционной борьбы с самодержавием.

Очевидно, что Бунд, не только как первая еврейская политическая организация с марксистской идеологией, которая успешно конкурировала с еврейским национализмом в поисках утраченной еврейской идентичности, но и как самая многочисленная революционная партия в Российской империи³¹, поначалу казался союзником для молодой российской социал-демократии, которая, по-видимому, позимствовала у еврейских марксистов идеи библейского мессианизма и революционной этики. Бундовская смесь марксизма и еврейского национализма, оказалась влиятельной революционной идеологией не только в среде местечкового еврейства. Она также давала надежду русско-еврейской интеллигенции на её «возвращение» к собственному народу, который она пообещала вывести из плена социального и национального рабства. Однако, ускорение процессов индустриализации и секуляризации российского общества в начале XX в., которые, естественно, сопровождались ужесточением политики русификации национальных окраин империи, вызывали обратный эффект – национализацию освободительного движения. Соответственно, это толкало русско-еврейских революционных лидеров в противоположную от национализма сторону – к марксизму. Но, если латышские или польские социалисты могли исповедовать идеологию пролетарского интернационализма и при этом оставаться латышами или поляками, то для многих еврейских социалистов такой интернационализм мог означать либо национальную смерть, либо сознательное отречение от своего еврейства³². «Я вижу в Бунде доменную печь, – отмечал один из его сторонников, – чистилище сквозь которую еврей очищается от грязи и наслоений и становится чистым, закалённым, свободным гражданином. В то же время идея сионизма – не противится злу и уйти от злых, портит евреев, ослабляет их дух»³³. Очевидно, что после еврейских погромов 1903-1906 гг. сионизм успешно конкурировал с социал-демократией в процессах формирования еврейской молодёжной субкультуры, которая, по уровню радикализма, аскетизма и мессианизма была похожей на русскую. Но сионизм привлекал гораздо меньшее число молодых евреев, которые стремились скорее к «духу

настоящего равенства и братства», чем к «отличиям между евреем и христианином»³⁴.

Типичным представителем еврейской молодёжной субкультуры в начале XX в. был известный деятель российской социал-демократии В.Д. Медем, который мог стать «наилучшим примером условности понятия «национальность»»³⁵. В. Д. Медем вырос с глубоким чувством стыда по поводу того, что его отец был евреем, мать разговаривала на идиш, а своё еврейское происхождение он нёс, как тяжелое бремя³⁶. Уже в стенах Киевского университета он превратился в социалиста и в сознательном возрасте пришёл к выводу о том, что только «русская революция может освободить русских евреев, что кровь, которая пролита евреями в погромах, будет искуплена кровью пролетариата в борьбе за социализм»³⁷.

Собственно русских социал-демократов также не особенно волновала степень их «русскости», поскольку они считали российский народ слишком обремененным своим архаичным прошлым, российское государство определяли как преступный режим, а индустриализацию как крайне медленный процесс. Конечно, европейская модель построения социальной демократии в России казалась им вполне респектабельной утопией, но узость их политических взглядов не позволяла им увидеть разительное отличие российской действительности глубоко аграрной страны от городской культуры западной цивилизации, воплощением которой собственно и была вся социология марксизма. Но еврейские социалисты оказались более последовательными в своём радикализме, чем их русские товарищи, поскольку символизировали капитализм и архаику одновременно. «Именно евреи оказались истинными марксистами, так как только они верили в то, что их национальность “химерична”, только они – как и пролетарии Маркса, но в отличие от настоящих пролетариев – не имели собственной родины»³⁸. Видимо поэтому С. М. Дубнов в 1905 г. с нескрываемым раздражением заметил по поводу того, что «мистический русский национализм охватил господ еврейских социал-демократов, в то время, как их братья и сёстры на своих черепах ощутили одну из исторических “миссий” русского народа в 1905 году (еврейские погромы. – Прим. А. Б.)»³⁹. Еврейские революционеры, эти, по едкому определению С. М. Дубнова, «холопы революции», поставили под удар всё российское еврейство, поскольку ради своих революционных идеалов они превратили всех евреев в политических заложников этих идеалов, а сами, тем не менее, порвали все связи с традиционным еврейством. «Их народ – русский, а не еврейский, так как понятие “народ” для них есть политико-территориальное, но не культурно-историческое»⁴⁰.

Если С. М. Дубнов и другие еврейские националисты убеждали в том, что в условиях глубокого социального и экономического кризиса

необходимы, прежде всего, национальное единство и коллективная реакция на вызовы современности, то еврейские социал-демократы были уверены, что «еврейскому пролетарию не нужны более национальные Сеймы для получения политической Торы; он её получил от Карла Маркса и его последователей»⁴¹. Чем левее была партия, в которой состоял еврей, тем дальше он удалялся от еврейства⁴².

Почему же марксизм оказался таким популярным учением на «еврейской улице» России? В ответе на этот не простой вопрос, как нам кажется, должно быть три составляющих: бедность еврейского местечка, антисемитизм и традиционное еврейское мессианство (национальное чувство социальной справедливости). «Трудно быть русским, – отмечал по этому поводу лидер немецких социал-демократов К. Каутский, – трудно быть пролетарием, да ещё и русским. Трудно быть евреем, который принадлежит к гонимому племени, но быть русским, пролетарием и евреем – означает объединять в себе все страдания, ощущать на себе все оскорбления и издевательства, быть отданным во власть того гнёта, который может быть причинён людям со стороны черствой и тотальной власти»⁴³. Социализм даёт «слабому Давиду еврейского пролетариата» силу в его борьбе против «мерзкого Голиафа» российского абсолютизма и капитализма. «Эта идея – далёкая цель социализма – это солнце, которое всех нас питает, согревает и превозносит, которое нас привязывает к юдоли плача и горя. Эта идея выпрямляет нас, сгорбленных, она нас поднимает, когда мы, уставшие, падаем – она нас поведёт к победе, на встречу которой мы идём сомкнутыми рядами – независимо от нашей половой, национальной или расовой принадлежности»⁴⁴, – заключал К. Каутский.

Мессианизм марксистского вероучения, на наш взгляд, привлекал к себе еврейскую бедноту идеями «новой Правды», «нового, более справедливого Бога», на поиски которого в черту оседлости отправились «священники новой веры», бывшие студенты российских университетов – пролетарские агитаторы, которым было всё труднее найти трезвых русских рабочих, способных самостоятельно прочитать хотя бы «Хитрую механику». Еврейским интеллигентам-марксистам было намного легче. У еврейских ремесленников и подмастерьев в течении многих лет существовали «хаврусес» – что-то вроде ремесленных братств, которые вместе молились, вместе изучали Тору и вместе боролись с хозяевами. Так как они считались невеждами и в качестве таковых их в общих синагогах обычно не приглашали к чтению Торы, то они создавали свои синагоги – синагоги портных, сапожников, слесарей и т. д. Они хорошо знали священные тексты, поэтому, когда агитаторы начали объяснять еврейским рабочим о социальной справедливости, то отклик был мгновенным. Эти хавру-

сес явились готовыми организациями, довольно быстро принявшими марксистскую идеологию и революционную стратегию Бунда⁴⁵. Очевидно, что социальное и политическое взросление еврейской местечковой массы происходило быстрее, чем модернизация самого русского общества. И это, на наш взгляд, составляло большую проблему для самодержавия. Антисемитизм всегда напоминал еврею о его прошлой жизни даже тогда, когда он восставал против такой жизни. Трагедия русско-еврейской интеллигенции заключалась в том, что она так и не стала русской, но и избавится от унижительной приставки, уже не смогла. На эту особенность одним из первых обратил внимание В. Е. Кельнер, который отмечал, что многие представители русско-еврейской интеллигенции в начале XX в. более ощущали себя евреями и социально и психологически, но интимно понять русских они были не в состоянии⁴⁶. Следовательно, неизбежный конфликт с традиционным обществом для неё очень часто сопровождался болезненными внутренними психологическими конфликтами. Примером этому может служить судьба Ильи Эренбурга – представителя зажиточной еврейской семьи Киева. Молодой И. Г. Эренбург воспринимал своё еврейство как ущербное, но естественное состояние до тех пор, пока не нашёл смысл своего существования у социал-демократов, среди которых он ощутил себя более уверенным, чем в русском обществе⁴⁷.

Таким образом, российское социал-демократическое движение было закономерной реакцией российской интеллигенции на вызовы европейской модернизации. Попытки обрести утраченные смыслы и найти компромисс между средневековой архаикой российской традиционной культуры и культурой большого города вынуждали лидеров российской социал-демократии искать политическое будущее России в социальной утопии. Не только общая ненависть к самодержавному режиму объединяла на пути к «новому» будущему русскую и еврейскую интеллигенцию в рядах социал-демократии, но, также их самоненависть как глубоко маргинальных личностей⁴⁸. Поскольку они уже ненавидели своё прошлое, но ещё не видели своего будущего, то единственным спасением для них, как нам кажется, могла быть некая религия новых смыслов. Очевидно, что такой религией оказался марксизм – революционная доктрина построения альтернативного общества абстрактных личностей и новых политических смыслов. Политическая метафизика марксистской идеологии, по-видимому, была одинаково привлекательной как для русской, так и для еврейской интеллигенции⁴⁹, поскольку ни у русских, ни у евреев не было своего собственного полноценного национализма. Следовательно, революционная мифология «пролетарской культуры» (в качестве противовеса национальной мифологии традиционного общества) вполне

могла быть новым смыслообразующим центром политической идентичности российско-еврейской интеллигенции, которая выразила готовность пожертвовать своим национальным прошлым ради социального будущего.

Reference :

¹ Sociokulturnye osnovaniya i smysl bol'shevizma / A. S. Ahiezer, A. P. Davydov, M. A. Shurovskiy, I. G. Yakovenko, E. N. Yarkova. – Novosibirsk: Sibirskiy hronograf, 2002. – S. 113.

² Ibid. – S. 218.

³ Ibid. – S. 264-265.

⁴ Ibid. – S. 231.

⁵ Ryazanov D. B. Narodnichestvo i marksizm / D. B. Ryazanov. – SPb.: Biblioteka marksizma, 1906. – S. 39.

⁶ Bezarov A. Osobennosti formirovaniya russko-evrejskoj revoliutsionnosti v posledney treti XIX veka / Novye issledovaniya po evrejskoj istorii. Materialy XIX Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaikе. T. 3. – M.: Sefer, 2012. – S. 52-67.

⁷ Dan F. I. Proishozhdenie bol'shevizma / F. I. Dan // Soblazn socializma. Revolutsia v Rossii i evrei / Sost. A. Serebryanikov. – Parizh-Moskva: YMCA-PRESS, Russkiy put', 1995. – S. 210.

⁸ Budnitskiy O. Evrei i revolutsia 1905 g. v Rosii: Vstrecha s narodom / O. Budnitskiy // Neprikosnovennyiy zapas. – 2005. – № 6 (44) // [Elektronnyiy resurs]: magazines. russ.ru/nz/2005/6/bud15 – pr.html.

⁹ Kel'ner V. Russko-evreiskaya intelligentsiya: genesis i problemy natsional'noj identifikatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) / V. E. Kel'ner // Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve. – 1996. – № 3. – S. 14.

¹⁰ Spiridovich A. I. Istoriya bol'shevizma v Rosii ot vzniknovenia do zahvata vlasti (1883-1903-1917) / A. I. Spiridovich. – M.: Airis-press, 2007. – S. 37-243.

¹¹ Rokityanskiy Ya. G. Gumanist oktyabr'skoj epohi: Akademik D. B. Ryazanov – social-demokrat, pravozachshnik, ucheniy / Ya. G. Rokityanskiy. – M.: Sobranie, 2009. – 576 s; Rokityanskiy Ya. G. Akademik D. B. Ryazanov. Mezhdubol'shevizmom i men'shevizmom / Ya. G. Rokityanskiy // Mirovaya social-demokratiya: teoriya, istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 25-26 iulya 2003 goda. – M.: Sobranie, 2006. – S. 378-396.

¹² Rokityanskiy Ya. G. Akademik D. B. Ryazanov. Mezhdubol'shevizmom i men'shevizmom / Ya. G. Rokityanskiy // Mirovaya social-demokratiya: teoriya, istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 25-26 iulya 2003 goda. – M.: Sobranie, 2006. – S. 393.

¹³ Rokityanskiy Ya. G. Gumanist oktyabr'skoj epohi: Akademik D. B. Ryazanov – social-demokrat, pravozachshnik, ucheniy / Ya. G. Rokityanskiy. – M.: Sobranie, 2009. – S. 45-46.

¹⁴ Ibid. – S. 51-52.

¹⁵ Ibid. – S. 55.

¹⁶ Ibid. – S. 56-57.

¹⁷ Ibid. – S. 91-92.

¹⁸ Ryazanov N. (Ryazanov D.) Narodnichestvo i marksizm / D. B. Ryazanov. – SPb.: Biblioteka marksizma, 1906. – S. 37-58.

¹⁹ Rokityanskiy Ya. G. Gumanist oktyabr'skoj epohi: Akademik D. B. Ryazanov – social-demokrat, pravozac-

shitnik, ucheniy / Ya. G. Rokityanskiy. – M.: Sobranie, 2009. – S. 95.

²⁰ Rokityanskiy Ya. G. Akademik D. B. Ryazanov. Mezhdubol'shevizmom i men'shevizmom / Ya. G. Rokityanskiy // Mirovaya social-demokratiya: teoriya, istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, Moskva, 25-26 iulya 2003 goda. – M.: Sobranie, 2006. – S. 383.

²¹ Chernyavskiy G. I. Lev Trotskiy / G. I. Chernyavskiy. – 2-e izdanie. – M.: Molodaya gvardia, 2012. – S. 59.

²² Ibid – S. 63.

²³ Martov Yu. O. Zapiski social-demokrata / Sostavitel' P. Yu. Savel'ev / Yu. O. Martov. – M.: ROSSPEN, 2004. – S. 31.

²⁴ Ibid – S. 8-14.

²⁵ Ibid – S. 71.

²⁶ Martov Yu. O. Klass protiv klassa! / Yu. O. Martov // Aksel'rod P. B., Martov Yu. O., Potresov A. N. O revolyutsii i socializme. M.: ROSSPEN, 2010. – S. 211.

²⁷ Iz doklada delegatsii russkih social-demokratov internatsional'nomu socialisticheskomu kongressu v Londone, konec iyulya 1896 g. // Bund. Dokumenty i materialy. 1894-1921. – M.: ROSSPEN, 2010. – S. 49.

²⁸ Retch' Yu. O. Martova na sobranii agitatorov v Vil'ne 2 maya 1895 goda (Povorotnyy punkt v istorii evrejskogo rabocheho dvizheniya) // Bund. Dokumenty i materialy. 1894-1921. – M.: ROSSPEN, 2010. – S. 46.

²⁹ [Martov Yu. O.] Evrejskie rabochie protiv evrejskih kapitalistov // Rabotnik. Nepereodicheskiy sbornik / Yu. O. Martov. – Zheneva: Izdanie "Soyuza russkih social-demokratov", 1896 (№ 1, 2). – S. 88.

³⁰ Martov Yu. O. Zapiski social-demokrata / Sostavitel' P. Yu. Savel'ev / Yu. O. Martov. – M.: ROSSPEN, 2004. – S. 156.

³¹ Budnitskiy O. Evrei i revolutsia 1905 g. v Rosii: Vstrecha s narodom / O. Budnitskiy // Neprikosnovennyiy zapas. – 2005. – № 6 (44) // [Elektronnyiy resurs]: magazines. russ.ru/nz/2005/6/bud15 – pr.html.

³² Slezkin Yu. Era Merkuriya: Evrei v sovremennom mire / Avtorizovannyiy perevod s anglijskoro S. B. Il'ina. Izdanie 2-e / Yu. Slezkin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – S. 202.

³³ Gosudarstvennyiy arhiv Rossijskoj Federatsii. Department politsii. Osobyj otdel. Bund. F. 102. Op. 230. D. 1700. T. 3. (2). L. 253.

³⁴ Slezkin Yu. Era Merkuriya: Evrei v sovremennom mire / Avtorizovannyiy perevod s anglijskoro S. B. Il'ina. Izdanie 2-e / Yu. Slezkin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – S. 198.

³⁵ Zaslavskiy D. Vladimir Medem / D. Zaslavskiy // Medem V. Po tsarskim tur'mam (Turemnye vospominaniya) / Perevod s evrejskoro D. Zaslavskogo. – L., M.: Kniga, 1924. – S. 5.

³⁶ Medem V. D. Iz moej zhizni: vospominaniya / Perevod s anglijskoro O. V. Borisovoy / V. D. Medem. – M.: Novyy Hronograf, 2015. – S. 5.

³⁷ Zaslavskiy D. Vladimir Medem / D. Zaslavskiy // Medem V. Po tsarskim tur'mam (Turemnye vospominaniya) / Perevod s evrejskoro D. Zaslavskogo. – L., M.: Kniga, 1924. – S. 17.

³⁸ Slezkin Yu. Era Merkuriya: Evrei v sovremennom mire / Avtorizovannyiy perevod s anglijskoro S. B. Il'ina. Izdanie 2-e / Yu. Slezkin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – S. 203.

³⁹ Frenkel J. Prorochestvo i politika. Socialism, natsionalizm i russkoe evrejstvo, 1862-1917 / Perevod s an-

glijskogo S. Il'ina / J. Frenkel. – Jerusalem: Gesharim, Moskva: Mosty kul'tury, 2008. – S. 328.

⁴⁰ Golovkov G. Z. Bunt po-russki: palachi i zhertvy: Randevu s revoliuciej 1905-1907 godov / G. Z. Golovkov. – M.: Detektiv-Press, 2005. – S. 421.

⁴¹ Frenkel J. Prorochestvo i politika. Socialism, natsionalizm i russkoe evrejstvo, 1862-1917 / Perevod s anglijskogo S. Il'ina / J. Frenkel. – Jerusalem: Gesharim, Moskva: Mosty kul'tury, 2008. – S. 329.

⁴² Kel'ner V. Russko-evreiskaya intelligentsiya: genesis i problemy natsional'noj identifikacii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) / V. E. Kel'ner // Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve. – 1996. – 1 3. – S. 13.

⁴³ Kautskij K. O evrejskom proletariate / K. Kautskij. – bez mesta, bez goda. – S. 2-3.

⁴⁴ Ibid. – S. 3.

⁴⁵ Ar'e London. Bund / Ar'e London // Zametki po evrejskoj istorii. Setevoj zhurnal evrejskoj istorii, traditsii, kul'tury / Redaktor E. Berkovich. – 2014. – 1 11-12 (180) // www.berkovich-zametki.com / Nomer 23 / London 1. htm.

⁴⁶ Kel'ner V. Russko-evreiskaya intelligentsiya: genesis i problemy natsional'noj identifikacii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) / V. E. Kel'ner // Vestnik evreiskogo universiteta v Moskve. – 1996. – 1 3. – S. 8.

⁴⁷ Berar E. Burnaya zhizn' Il'i Erenburga / Predislovie E. Etkinda / Perevod s frantsuzskogo O. Panovoj / E. Berar. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. – S. 13-18.

⁴⁸ Slezkin Yu. Era Merkuriya: Evrei v sovremennom mire / Avtorizovannyj perevod s anglijskoro S. B. Il'ina. Izdanie 2-e / Yu. Slezkin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – S. 217-218.

⁴⁹ Pasmanik D. S. Russkaya revolyutsiya i evrejstvo (Bol'shevizm i iudajzm) / D. S. Pasmanik. – Parizh, 1923. – S. 74.

Bezarov Alexandr. Social and cultural peculiarities of Russian socio-democratic movement and the problem of identity of Russian-Jewish intelligentsia in the Russian Empire. At the turn of the 19th – 20th century in the socio-cultural space of Russian Empire there were complex processes of the interaction of a traditional patriarchal society and the world of a big city, that were accompanied by sharp political conflicts between the traditional culture of medieval archaic and new social and cultural reality of urban civilization. Russian Social-Democracy was in the midst of such contradictions and conflicts because it tried to “Europeanize” Russian socialism, which under the conditions of post-feudal Russian society could hardly bring significant political success without profound revolutionary transformations of political and socio-economic system of the Russian Empire. Russian and Jewish intelligentsia, because of the well-known reasons, was clamped between modern nationalism of the city and obscure socialism of peasant world. The radicalization of political views of some representatives of Russian-Jewish intelligentsia, in response to increasing pressure of modernization processes, had splashed into the intensification of their revolutionary activity in the ranks of Russian Socio-Democratic Labour Party. Recognized leaders of this party were D.B. Ryazanov and Y.O. Martov. Passion to revolutionary romanticism and construction of the party were dictated not so much by the requirements of social justice, as by crisis of their own identity. Marxism, as a revolutionary ideology, was more popular namely in the “Jewish street” of the

Russian Empire, as it was able to meet the social needs of small-town poor people, and to protect them from the anti-Semitic rhetoric, which became more and more aggressive Anti-Semitism always reminded to the Jew about his past life, even when it opposed strongly against such a life. Russian Social-Democratic movement was appeared as the natural reaction of Russian and Jewish intelligentsia to the challenges of European modernization, the one of the manifestation of which had been Marxism. In the search of lost identity Russian-Jewish intelligentsia has found new meanings in the revolutionary mythology of “proletarian culture”, which by its religious appeal could not only compete with the mythology of nationalism, but also become a center of political identity for a certain part of Russian-Jewish intelligentsia.

Key words: *social democracy, revolutionary character, Jews, intelligentsia, Russian Empire*

Олександр Безаров – к.і.н., доц. кафедри філософських та соціальних наук Чернівецького торговельно-економічного інституту Київського національного університету. Автор електронного посібника «Основи соціальних комунікацій» та понад 20 наукових публікацій з історії, політології, соціології та філософії. Виконує докторське дослідження, присвячене історії єврейського питання в Російській імперії у другій половині XIX – на початку XX ст. Наукові інтереси: історія єврейського народу на території сучасної України, становище єврейського населення Буковини та Галиції у XIX ст., проблеми сучасної політичної науки, соціології та філософії.

Olexander Bezarov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences Department of Chernivtsi Trade and Economic Institute of Kyiv National Trade and Economic University. Author of an electronic textbook “Fundamentals of social communication” and more than 20 scientific publications on history, political science, sociology and philosophy. Research interests: history of the Jewish people on the territory of Ukraine, the situation of the Jewish population of Bukovina and Galicia in the XIX century; problems of modern political science, sociology and philosophy.

Received: 12-10- 2015

Advance Acces Publischer: December 2015

© O. Bezarov, 2015